

ИНТЕРВЬЮ 2

КАССЕТА 3

02.10.1991

- Скажите, какие газеты и журналы Вы читали во время "оттепели"?

Бергер - Газеты вообще не были тогда тем, что они сейчас. Это просто информация о том что в городе происходит и в мире.

- А какая у Вас была реакция на какие-нибудь заведомо ложные сообщения, статьи?

Бергер - Реакция - возмущение и особенно в молодости такой яростности. Желание бороться такими вескими и активными способами.

- А какими именно способами?

Бергер - Выходить на площадь, говорить об этом. Хотелось бороться с этим по-настоящему, буквально в мечтах - с оружием в руках. Но конечно для этого не было возможности, это были детские мечты. Надо ещё возраст принять во внимание. Это всё в стихах находило своё выражение. Я писал в эти годы: я за диктатуру, за бешеный террор...". В дальнейшем это стихотворение раскрывалось, о чём речь: "я за диктат свободы, за истины террор!!!" Вот эти вот. Или я писал там: /про эту власть/

Она не скроется,

Бог шельму метит,

Взорвётся и порвётся эта нить.

Проклятая страна за всё ответит,

Мы будем осуждать и мы казнить.

КГБ страшно возмущалось, конечно, этими стихами, ухватилось за них радостно. Даже в 1990 году, когда меня вызывали в прокуратуру по моей жалобе о реабилитации, такой старенький бывший прокурор Антифеев, который это дело моё вёл в 1990 году по моей жалобе, сказал: "А как Вы теперь эти стихи трактуете?" Я говорю: "Какое Вы имеете право теперь вообще ко мне обращаться по этим стихам, чтобы я что-то там, вам ещё давал какие-то объяснения!" А он всё-таки: "А вот, за диктатуру!"

Я ему привёл, как сейчас: "за диктат свободы". Это его вполне удовлетворило. Времена не те, конечно. /Перерыв в записи/.

- В 1956 году откуда вы брали информацию в венгерских событиях? Как это освещалось?

Бергер - 1956 год это был. Освещалось по-коммунистически, но советски, контр-революционный мятеж. Но мне-то было всё понятно. XX съезд меня, по крайней мере настолько освободил от иллюзий. Я же говорил, что я понял, что это система виновата, а не Сталин. И поэтому конечно для меня нападение на Венгрию, воцарение снова коммунистического режима там... было совершенно ясно, что происходило. Была кровавая карательная акция коммунистического режима, который был ещё очень силён. То, что осудил он сталинизм - он осудил даже не сталинизм, тогда такого слова не было, он осудил Сталина и так называемое это дурацкое время культа его личности. То есть, режим осудил своего наиболее оголтелого, главного людоеда. Хотя я думаю, что всё-таки главным людоедом был Ленин.

- А "голоса" Вы слушали тогда, нет?

Бергер - Голоса очень мало. А телевизора у нас тогда ещё, по-моему, не было в 1956 году. Голоса... в голосах я просто находил подтверждение тому, что я чувствовал. Это было такое подспорье. Это было такое плечо друга. Но не учителя.

- А кто был Вашим учителем?

Бергер - А учителем было моё чувство. "Кипит наш разум возмущённый". Возмущённый разум. И главное - это та интуиция, чувство, понимание. Это всё очень просто. Было понятно уже тогда, что это зверская, бесчеловечная, идущая против человеческой природы теория. Так ничего не стоит пролить кровь.

- А с кем Вы обсуждали эти свои взгляды: и Венгрию, и то, что Вы думали, что система бесчеловечна. Вы с кем-то наверняка разговаривали.

Бергер - У меня друзья были. Во-первых я говорил, что у меня родите ли понимающие люди.

- То есть, вы это обсуждали в семейном кругу?

Бергер - Да, конечно. И папа, и мама и мой дед, который родился в 1876 году, который видел Гражданскую войну в Перми, который видел живого Равputина, Гришку Распутина, который был даже на лекции Бальмонта в 1913 году, у которого Гражданская война прошла перед глазами, который всё это понимал и ненавидел тоже, может быть, спрятанной ненавистью, но всё это понимал. И дядя мой.

- А они читали Ваши стихи?

Бергер - Стихи конечно я читал. Но в основном родителям. Дедушка уже тогда был старенький. Читал стихи. Я с 1956 по 1959 год написал поэму "Что дальше?". И в этой поэме как раз по следам событий я писал о Венгрии, где сравнивал подавление венгерского восстания с подавлением венгерского восстания в 1848 году, когда Николай I послал армию Паскевича и Хазара, вот это Кошутовское восстание, освободительное, было подавлено. И эта поэма сейчас находится в КГБ.

- А какая её основная идея?

Бергер - Основная идея - политический момент российской истории. С лирическими отступлениями. То есть, это было, я не сравниваю, но было продолжение "Возмездия" Блока, его политической устремлённости. Помните, у Блока: "век девятнадцатый, железный, воистину жестокий век." То есть, вот такая картина мира, потом идёт уже описание героя и его возмездие. У меня этого не было. Поэма шла от Блоковских строк о времени, духовно-политической ситуации в стране. Я помню очень мало, но есть вот такие строки:
В России всё своеобразно и неожиданно всегда
В ней власть, неспящая непраздно,

Бумажной гордостью горда.
Она от мала до велика
В бумагах спрятала народ,
Бумага над страной владыка,
Бумага всё ведёт вперёд....

Вот такие там были строки. А в основном это всё с историческими параллелями. Я сравнивал деспотизм времён Ивана Грозного, Людовика XI со Сталиным. В основном это о Сталине поэма.

- А после венгерских событий у Вас изменилось отношение к этому режиму?

Бергер - Ещё большее неприятие. Ещё большая ненависть.

- Но ведь до 1956 года у Вас было какое-то другое восприятие?

Бергер - До 1956 это была ещё какая-то юношеская тоска, интуитивно ещё ощущаемая, ощущение, что живу как-то не там, что не тот это режим, что подавление существует, но ещё как-то неоформлено. Политика меня интересовала ещё и в 1953 году. Помню, я восхищался переворотом в Гватемале, когда пришла к власти там диктатура, в Иране. Внешняя политика не вызывала особых сомнений. Но мне было 15-16 лет.

- А у Вас были мысли о возможности или необходимости сокрушения этого режима?

Бергер - До 1956 года нет.

- А после.

Бергер - А после конечно. Только этими мыслями я и жил. Я представлял как это будет, я мечтал об этом.

- А кто мог быть, говоря этим штампом, "движущими силами"? Этой революции?

Бергер - По-детски так это было. Я заводил пластинку, прелюдию Листа и под эту музыку воображал, как происходит переворот, этот режим падает, на его обломках воцаряется свобода.

- Это должен был быть переворот? Или революция?

Бергер - Революционный переворот. Конечно. Но ведь я в юности всего это стройно и чётко не представлял. А просто мечтаешь и думаешь о том, что это обязательно должно быть. Я конечно этого не осмысливал.

- Кто должен был его произвести?

Бергер - Все недовольные. А недовольныхказалось, что много. Вроде все понимали, что все по отдельности против, а все вместе за. Понимаете, каждый судит по своему кругу. Я видел, что среди моих друзей многие. И поэтому было ощущение себя самого как заброшенного в чужую страну среди врагов, потому что, конечно, когда из своего круга приходилось выбиваться: в колхоз посылали там, на целину, эти люди, далёкие от политики, особенно комсомольские такие.... вожаки.

- А Вы не были комсомольцем?

Бергер - Нет. Это у меня уже было чётко. С 1956 года всё это возненавидев, я это отвергал, отрицал, отринул от себя. И величайшим позором я считал состоять в КПСС. И теперь так считаю.

- Так Вы только с родителями эти проблемы обсуждали?

Бергер - Нет, у меня был друг Витя.

- Стукин?

Бергер - Да, Витя Стукин. С Бабушкиным познакомились позже, где-то уже в институте, это 1958-59.

- Вы учились в одном институте?

Бергер - Нет, с Бабушкиным не в одном. Меня с ним познакомили в институте, общая знакомая. А с Брауном учились в одном институте, с первого курса с ним познакомились. Мы были на разных факультетах. Он - культпросветработка, я - на библиотечном. Вот такая дружба.

- То есть, это опять же было с ними, с Брауном и с Бабушкиным?

Бергер - С Бабушкиным, Брауном, Стукиным, ещё были приятели, мне даже не вспомнить. Но в то же время старшее поколение, какказалось, всё поголовно за этот режим. За исключением родителей. Когда у родственников моих собирались. У бабушки моей. Мы жили в коммунальной квартире, в одной комнате на Большой Московской бабушка с дедушкой, её младший сын, мой дядя с женой и ребёнок потом появился. И вот папа, мама и я, и бабушка собирались, часто были столкновения. Потому что они считали, что всё прекрасно. Я помню, когда я попал в армию, то и молодые ребята, ленинградцы говорили, что дивизион здесь должен стоять, должно быть противостояние с Америкой там, с НАТО, что всё правильно и режим наш хороший. Среди родственников, причём людей культурных, образованных по-советски, вот эта образованщина, Солженицынский термин прекрасный. Мой двоюродный дядя говорил: "Это же был эксперимент, мы же первопроходцы, эксперимент всегда чреват ошибками".

- Требует жертв.

Бергер - Конечно, когда это не твоя личная жертва...

- А у Вас никто не был в семье репрессирован?

Бергер - Вы знаете, нет. Лесников на допросе жены моей, Елены Александровны сказал: "Что вы так протестуете, что у него, у Вашего мужа или у Вас кто-то погиб, пострадал в тридцатые-сороковые годы?" А она молодец, сразу нашлась: "Да, у меня Мейерхольд, а у него Мандельштам". Он и замолк.

- А в армии, где Вы служили, чем Вы там конкретно занимались? Что Вас заставляли делать?

Бергер - Я ведь ещё до армии три месяца вкалывал на целине от института.

- Это обязательно было?

Бергер - Конечно. В Кочетавскую /?/ область. Там я впервые столкнулся с немцами ссыльными. И вот они рассказывали, как их в 41

году в 12 часов бросили в Поволжье и они с тех пор мыкались. И вот я увидел уже живых пострадавших. Физически пострадавших.

- Это тоже впечатление на Вас произвело, да?

Бергер - Это было как для верующего укрепление в вере. Утверждение, что ты прав. А в армии... Я попал в армию очень неудачно. Я попал после института. Там не было военной кафедры, я попал на Север. Причём на такой глухой Север, в Заполярье, где было 20% кислородной недостаточности. Там я лишился волос. С тех пор лысина у меня. Через два года и три месяца я был комиссован, потому что у меня стала болеть спина.

- А что Вы делали там? Работали?

Бергер. - Это были войска ПВО. Ракеты земля-воздух. И нас подымали бывало по пять раз в ночь, там было двадцать километров до нейтральных вод с Норвегией. Вот самолёт с норвежского аэродрома поднимается, а Норвегия член НАТО. Если направление он берёт в нашу сторону... Кстати за эти два года и три месяца не было никакого нарушения. Никогда. Так вот если он так брал направление, то нас подымали и брали на позицию; через пять минут с момента нашего пробуждения станция должна работать. Условия были очень тяжёлые.

- А какой там был контингент? Какие были ребята?

Бергер - Контингент какой был... Старики, как теперь называют, "деды", но мы то звали "старики", они были ленинградцы. Они меня прекрасно приняли. Мне повезло, я не столкнулся с этой проблемой. Дедовщины со мной не было. Были ленинградцы, всё-таки ребята более приличные, культурные, они меня приняли как земляка. Это в армии очень развито. А на второй год я был уже сам "немолодой". Армия в то время, это было такое украинское засилье среди командиров. Все эти командиры, комбаты. Не в национальности дело... но просто тяжело было служить.

- А конфликты какие-нибудь были там?

Бергер - Там не то, чтобы конфликты. Но я это к тому говорю, что не просто тяжело служить было, а конечно, это была полная преданность режиму.

- А они вас идеологически подковывали? Была какая-нибудь пропаганда?

Бергер - Два раза в неделю были политзанятия. Где нам вдевали всю эту гадость по газетам. Толкали всякую дрянь. Один раз меня даже пытался повербовать доносить один.

- А серди ребят были разговоры о политике?

Бергер - Были. Ленинградцы вот эти, когда я попал, они как раз читали "Один день Ивана Денисовича". Но в то же время среди начальства такое глухое, охранительное свирепствоировало. Перед режимом лизоблюдство и преданность полная. То есть, это очень страшно было. А среди ребят. Вот эти украинские ребята и из других мест, они вообще очень мало, что думали и понимали, может быть, не хотели говорить. Но в целом всё это было в духе режима. И я помню, я был в санчасти и мы там с солдатиком из провинции разговорились, я что-то не выдержал, сказал. А он: "А что, Бергер, ты не хочешь жить в Советском Союзе?" С таким ужасом и злобным недоверием он мне это сказал.

- Среди ребят обсуждали, да? С ленинградцами?

Бергер - Да в первый год. Их же демобилизовали очень скоро. С некоторыми из них, конечно, были какие-то разговоры.

- А Вы стихи писали, когда были в армии?

Бергер - Очень много писал. И стихи, и прозу писал, я был увлечён этой природой. Северное сияние. Понимаете, между Белым и Баренцевым морем. Писал я много. Это было моё спасение.

- А у Вас взгляды как-нибудь изменились - до армии, после армии? Во время? Что-то изменилось?

Политические нет. Я только увидел, что армия вся пронизана этим коммунистическим духом. Что армия это страшный карательный орган. Взгляды изменились человеческие. Я увидел, как много значит дружба человеческая, преданность. Я понял много чисто по-человечески. Но политически ни армия, ни что не могло меня уже свернуть.

- В том интервью была такая фраза, что "если сокрушить этот режим, то нужно поступать самым жесточайшим образом" со свергнутыми. Каким образом, что Вы считали надо с ними сделать?

Бергер - В этом стихотворении я писал. Надо его, наверное, процитировать. Чтобы мне прозой дальше не говорить:

Я за диктатуру,
за бешеный террор,
берегите шкуру
убийца мой и вор.
За массовость расстрелов,
Как это б ни звалось,
Поможет только смелость,
Жестокость, твёрдость, злость.
Всю власть я взял бы в руки,
Ничто бы не простил,
За все за наши муки
Безжалостно бы мстил.
О, кровь лилась б рекой
И шаг моих солдат
Все б старые устои
Ломал на новый лад.
То были б злые годы,
Зато какой простор
Я за диктат свободы,
За истины террор.
За смерть её убивших,
Смерть вам, её кто крал,
Сегодняшних и бывших
Я б всех их расстрелял.
За эту диктатуру,
За этот я террор,

О, берегите шкуру,
Убийца мой и вор!

Да, это были жестокие, конечно, стихи и взгляды. Это юность, горячность, возмущение от того, что зло практически не сдерживаемо ничем, оно властновало, главенствовало. Это времена Хрущёва, а потом брежневское время. Надо сказать, что после армии, наверное это совпало с повзрослением каким-то, зрелостью определённой. Где-то с 1965-66 года у меня уже не было идеи о таком уничтожении.

- А ваши друзья, они придерживались подобных же точек зрения?

Бергер - Нет, Бабушкин считал, что это должно быть гораздо... он в то время был мудрее, он считал, что всё это должно быть медленным эволюционным путём. Когда к власти пришёл Горбачёв, нам с женой всё время казалось, не Бабушкин ли это у власти. Они и внешне немножко похожи. Его идеи такого внедрения в режим, а потом изменения режима.

- Внедрение кого? Интеллигенции?

Бергер - Я не рассказывал? Он был в комсомоле. Он был руководителем какого-то райкома комсомола. Ещё до наших встреч. Ещё до этого, а потом он ушёл оттуда. Он считал, что так надо. Очень он рассуждал разумно и толково. Он очень любил мои стихи, мою поэзию, вообще литературу мою. И сам прозу писал.

- Что-нибудь его опубликовано?

Бергер - Нет. Он и не пытался опубликовать.

- А у Брауна какие были взгляды?

Бергер - У нас всё было сходно.

- То есть, он тоже считал, что нужно сокрушать режим, да?

Бергер - Да. Я думаю, теперь это ему не повредит.

- Написано в прошлом интервью, что частично под влиянием Андрея

Бабушкиным Ваши политические взгляды изменились. Он на Вас имел большое влияние, вы считаете?

Бергер - Да, конечно. Взаимное влияние. И конечно он как-то смягчил в определённом смысле. Я понял его правоту во многом. Да и сам я уже подрос. И увидел, что режим, это не просто кучка мерзавцев, это десятки миллионов. /Перерыв в записи/.

Он был человек очень умный и понимающий. Он знал ситуацию реально. А с Брауном у нас была полная идентичность взглядов. Оба мы писали стихи, он начал писать позже меня. Мы их друг другу читали постоянно. Взгляды наши на Россию, на её историю...

- А чьим приемником Вы себя считали с исторических позиций? Декабристов или народовольцев?

Бергер - Конечно не народовольцев. Потому что убийство царя Александра II, царя-реформатора, это было преступление.

- В чём-то ваши идеи схожи. У них индивидуальный террор...

Бергер - А я-то как раз о массовом! Наказание всех приверженцев режима. То есть, именно массовый, потому что индивидуальный террор я понимал, что ничего не даст. Политбюро... это же гидра много-головая.

- А вот вы сокрушили режим - что дальше? Что должно было быть? Какая система?

Бергер - Ну, я бы не хотел эти юношеские свои... взгляды. Тогда казалось, что мы, мои единомышленники, те, кто мыслят, как я, становятся у власти и начинаются изменения сверху. Это было непонимание, незнание реальности. Потому что всё было пронизано этим режимом.

- А что Вы предпочитали? Конституционную монархию, республику?

Бергер - Монархию я не предпочитал, монархия есть монархия, на Руси это настолько не свойственно. Большевики выхватили власть у одряхлевшей монархии, потому что она это сама допустили.

А с 1965-66 года мои взгляды стали уже гораздо более реальными. Ненависть стала более осознанной. Я понимал, что режим этот мерзок.

- Ненависть была на что направлена? На режим?

Бергер - Да, естественно. То, есть, более прицельно.

- на что прицелено?

Бергер - На режим конечно. На то, что в нём необходимо искоренить.

- А что Вы считали необходимым искоренить?

Бергер - Те структуры власти, благодаря которым и осуществляется всё это зло. Притом поскольку я с ранней юности любил истрию, то я понимал, что тут сложнее дело. Что всё это упирается в психологические особенности русского народа, его характер. Я понимал, что мечты сбываются, режим рухнет, но не с Марса же пришлют тех, кто будет управлять, делать демократию, спасать страну. Это те же люди.

- Люди, которые будут спасать, это люди, подобные Вам, да?

Бергер - Да, конечно. Те, кто ненавидит этот режим, кто понимает зло, в нём коренящееся, понимающие люди. Я считаю, что если бы мои стихи были опубликованы, они бы многих вдохновили, сыграли бы свою роль, очень важную в становлении умонастроения поколения. Но эти рассуждения не правомерны, потому что если бы эти стихи можно было опубликовать, то режим был бы другой. А в самиздат я и не пытался, стыдно было как-то себя навязывать.
/Перерыв в записи/.

Бергер - Декабристы, конечно, мне были очень близки, гораздо ближе народовольцев. Восстание против деспотизма, за свободу. Это могло при успехе спасти страну, не было бы никакого большевизма. В то же время я понимал, что не могло этого быть, не готова была к этому страна, простой народ. Это была "страна рабов, страны господ". И очень страшно, что декабристы были вопиющими в пустыне.

- Если оценивать Ваши взгляды, то Вы к кому себя относите: к либерально-демократическому крылу, к левым, к правым, к кому?

Бергер - Я себя всегда относил к демократическому крылу. В лагере было один из немногих чисто демократического направления. Леводемократическое, конечно. В то же время я понимаю в отличие от многих, что Россия - не любая европейская страна. Страна, где можно демократию завтра же установить. Что это очень тяжело.

- Но всё равно же Вы считали, что нужно бороться?

Бергер - Я понимал, что надо бороться. Я стихами, другие - как могли. А что вы думаете, люди, которые вышли в Чехословакии в 1968 году на площадь, не понимали, что их ждёт? Понимали, но не могли не выйти и шли и так и другие.

- А если бы Вы сокрушали этот режим, то под каким лозунгом?

Бергер - "Диктат свободы, истины террор!" В те годы, когда мне было двадцать лет. А в дальнейшем, когда мы рассуждали с Бабушкиным, с Брауном, мы думали о свободе вполне западного толка с русскими особенностями. О свободе печати, слова, свободе мысли.

- Это уже лозунги для Вас конца шестидесятых?

Бергер - Для меня да.

- А перед арестом... В книге есть такой момент, что Вам снились страшные сны задолго до ареста. У Вас были какие-то предчувствия, что будет что-то не то, что Вас арестуют. Вам казалось так?

Бергер - Нет, что меня арестуют у меня чувства конечно не было. Иначе я бы тетрадки не держал в письменном столе.

- А никого из Ваших знакомых не арестовали?

Бергер - Нет. А предчувствие, это уже другое. Предчувствие, это уже даётся человеку как дар божий. И мало того, что мне приснился этот сон, мне и в армии приснился сон, который меня предупреждал.

Но я незнал. А в стихах, написанных в 1969 году и в конце 1968 года всё уже было угадано. Был ряд стихов, стихов 5-6, где я уже обо всём сказал.

На полустанке, что за Мгой
Где пустыри, деревья, снег
В глубокой полночи глухой
Попал под поезд человек.
Тот поезд шёл во весь опор
Попробуй-ка останови,
Светил пустынно светофор,
И мёртвый он лежал в крови.
И в тот же час, и в тот же миг
В иных краях на всех парах
Шли поезда, и тот же крик
И та же кровь, и тот же страх.
Статистика внезапных без,
Проклятия из рода в род,
Нам от неё спасенья нет.
Кто обречён, того убьёт.
Кто и не ведает о том,
И знать не знает ничего
Что под слепящим фонарём
На рельсах тех найдут его.

Вот стихотворение, которое говорит о том, что что-то грядёт. Стихотворений 5-6 об этом.

- Вы верите в Бога, да?

Бергер - Как же не верить, когда такие стихи, такие сны! Ведь настоящие стихи всегда диктует Бог!

- А какого Вы вероисповедания, если не секрет.

Бергер - Я тяготею к иудаизму, но никакой обрядности не придерживаюсь. Христос для меня тоже личность необыкновенно привлекательная, симпатичная и я всей душой к нему тоже как-топриникаю. Но от веры предков отступиться нельзя. В сущности я действую в вере в бога общего, единого для всех. Я понимаю, что вера - это божья вера, я религия - это дело человеческое.

- Вы сказали в прошлом интервью, что КГБ Вас вызвало из Горного института и повезли не в Большой Дом, а во дворец пионеров. В какое именно здание?

Бергер - Здание на углу Невского и набережной Фронтанки.

- Белое здание?

Бергер - Оно красное такое. Красивое такое.

- Райком?

Бергер - Да, райком. Я перепутал.

- А на каком этаже?

Бергер - На самом верхнем. Я не помню, сколько там этажей.

/ Перерыв в записи/_

- Я хотела спросить о следствии. Вы писали в книжке об очных ставках. С кем они вам устраивали очные ставки?

Бергер - С моими друзьями, которые слушали мои стихи. С Брауном было несколько очных ставок. С Козовским, это один из слушателей моих стихов, с Бабушкиным было. Несколько очных ставок со Стукиным. Именно с теми, кому я читал, кто ко мне приходил по этим пятницам, кто слушал стихи. Были разговоры, обсуждения. Имена их естественно всплыли. И они знали о них. Их вызывали. Это было с точки зрения КГБ очень хорошо. Так стравливать людей, пугать их, чтобы они понимали, что и для них это всё очень опасно и чревато. И слабые люди действительно отсекались навсегда. Как Козовский. Да и Андрей Бабушкин. Он не слабый человек, но он был потрясён этим, пострадал. Я говорил уже. Наша дружба не возобновилась к сожалению. Хотя мы встречались. В семидесятых годах. Несколько лет даже регулярно. Но потом всё-таки он ушёл.

- Кто вам близок из исторических деятелей? На кого Вы ориентируетесь? Кем восхищаетесь?

Бергер - Взывает восхищение у меня такой человек как... Чаадаев. Высоконравственный, благородный, необыкновенно тонкий ум

Борец с режимом, не отступивший ни под каким давлением, оставшийся в своём умонастроении., не сдавшийся. Лермонтов тоже, он не сдал своих позиций. Хотя у него был момент, когда за стихотворение "Смерть поэта" он был арестован. И своего друга он подставил, Раевского. Он сообщил о том, что Раевский распространял и Раевский пострадал больше, чем Лермонтов. Лермонтов был только направлен в войска и то не в действующую армию, а Раевский был сослан.

- А как Вы относитесь к этому эпизоду? Он не поколебил ваш авторитет к Лермонтову? Вы же его в юности любили?

Бергер - До того, как меня посадили, я может быть, и осуждал его, а когда я сам столкнулся с этой страшной машиной, то я понял, что я не могу судить. Да и кто может судить? Из тех, с кем я сталкивался в лагере, единицы выдерживали давление. По крайней мере, я знаю. Огурцов. Игорь Вячеславович Огурцов. А все другие в этой группе... Это знаменитое дело 1967 года, когда 22 человека попало. Попытка возрождения России. Это организация называлась Всероссийский социал-христианский Союз Возрождения Народа.

- А вы разделяете взгляды ВСХСОН?

Бергер - Нет, конечно. Насколько я знаю о них. Огурцовские взгляды отличались от того, с чем я столкнулся в лагере. В лагере это выродилось у многих в антисемитизм. Грубый шовинизм. Я знаю, что такие люди, как Консов и Платонов были близки Огурцову и вели себя благородно и взгляды их кажутся мне вполне благородными. А вот, например, Вагин, эмигрировавший, кстати, сделавший карьеру на Западе, он вообще евреев отталкивал, не хотел ни с кем общаться. Так что это движение мне в чём-то и близко, но оно связано и с Бердяевым, и с чёрной сотней, они дети тех и других, а чёрная сотня мне никак не подходит!

- Как Вы себе представляли это "деланье культуры", "возвращение русского языка России"?

Бергер - Была формула: "Вернуть России русскую поэзию, вернуть русскую поэзию России". Что это означало? Я с ужасом видел, во что превратилось русское слово, русский стих, русская литература. За исключением солженицынского великолепного произведения, которое мы все знали, "Один день Ивана Денисовича", всё остальное было серым, корявым, как тот режим. Были, конечно, хорошие писатели, например, Юрий Олеша, но это были в сущности писатели двадцатых тридцатых годов. И в это время ничего не оставалось. А масса писала на этом советском языке, не на русском, а на советском. И поэтому моя задача была - вернуть языку то, что он утратил - эту свежесть, эту мощь слова. Я с шестьдесят пятого по шестьдесят восьмой год - главным моим чтением был словарь Даля, пословицы, поговорки того же Даля и сказки Афанасьева. Я пытался обновить русский язык возвращением к его старинности, его древности, его истокам. И мне казалось, что это главное, что его спасёт. Это не значит, что я старался писать архаично, отрицая всё, что с языком совершилось за эти семьдесят лет. Но по крайней мере меня коробило и коробит теперь от всей этой маяковщины, этих слов "буза", "мура". И главное от того, что дух русского языка утрачен. Попытка была освежить русский язык, не только словарный запас, не только фактуру, но и писать в духе русского языка. Как говорилось по-русски, как думалось по-русски.

- Имелось в виду, что если Вы будете так писать, то это создаст традицию?

Бергер - Я надеялся, что по крайней мере я буду так писать, я не включусь в эту серость. А найдутся, может быть, ученики, подражатели, те кто так же думает, как я. И постепенно русский язык будет выправляться.

- Это был Ваш личный протест, только личный?

Бергер - Но и протест. Да, это был с политической точки зрения протест, а с духовной, это была просто моя задача поэта. И для меня это было самое важное. Поэтому я до сих пор вижу, что мои стихи часто не понимают, писатели, поэты, потому что для них это другая культура. Ведь язык делает человека, язык делает культуру. /Перерыв в записи/.

- Расскажите пожалуйста, это интересно, как лагерь освежает язык?

Бергер - Конечно, даже язык уголовников любопытен бывает. Посмотрите, как они звали народных ~~з~~аведателей в суде - "кивалы". Это же необыкновенно точно, прекрасно. Надзиратель - "шнырь". Это живое! А вот этот язык бюрократический, которым говорят учреждения, которым говорит начальство!

- Я не понимаю, как Вы представляли себе, как Вы поможете этому, если свои стихи Вы не хотели печатать даже в самиздате? Как Вы могли этому помочь?

Бергер - Это вы хорошо меня поймали. Я свою задачу мыслил индивидуально и конечно неправильно было думать, что я всё исправлю. Своим примером, который никому неизвестен. Но мне важно было для себя самого это решить. Для себя и для своих друзей. Я понимаю что всё равно печатать меня не будут, а самиздат - ну это ещё пять компаний, ещё десять, а мыслилось на всю страну.

- Это нереально! А когда Вы поставили себе такую задачу?

Бергер - Вот, в 1965 году.

- А до этого у Вас была другая какая-то задача?

Бергер - До того я ещё не почувствовал, какое это сокровище - ^{Вопрос:} русский язык. Просто выражал себя. То есть, сначала это было самовыражение, а потом для какой-то цели?

Бергер - Нет, это всегда самовыражение. И сегодня. Но уже более профессиональное.

То есть, у меня появились мои личные приверженности. То есть, я не просто написал и всё, как получилось, так и бог с ним, мне казалось, что русский язык очень важен, он сам диктует, он сам себя ведёт и есть такое прекрасное выражение у немецкого философа Хайдеггера: "Мой дом - слово". Поэт Игорь Бурихин даже назвал так свою книгу стихов. Я тоже скажу вам, что мой дом - слово. То есть, воплощать в слове явление.

- А Вы писали для какой аудитории? Вы писали для своего, узкого круга?

Бергер - Я писал для себя. Я писал, самовыражаясь. Именно для себя. Я ориентировался для моих друзей не в том смысле, что я подчёркивал их вкусам, их восприятию, а просто мне было важно, что они скажут. И я с их замечаниями считался. Но в тот момент, когда я писал, я подчинялся только ощущению слова, вдохновению, если оно было, той мысли, которая легла в основу, тому образу.

- А что думал Браун по всем этим вопросам, как он видел свою роль - что он собирался делать, вы беседовали на эти темы?

Бергер - Ну что сейчас шестидесятые годы вспоминать в этом смысле! Он был очень во многом согласен со мной в отношении к слову, в отношении к режиму, в отношении к спасению культуры, у нас было полное единомыслие.

- Во всём, во всём? Вы даже ни в чём не расходились?

Бергер - Нет, не расходились, нет, может быть, потому, что у нас не было так уже много тем. Наши темы - поэзия, русская история. Может быть, его интересовала западная культура, и мне она была интересна. Но он ведь наполовину немец, или на четверть. И австриец даже. Он этим всем более обострённо интересовался. Меня больше интересовала русская культура и русское слово. А позже я обрёл неисчерпаемый кладезь в **Библии**. Она же дивным языком написана, когда её читаешь, погружаешься в такую глубину смысла.